

но и такого рода измышления обычно исходят из чего-нибудь; иногда эти источники могут быть хотя бы намечены. Мы не можем здесь проделать такого рода исследования, но укажем на возможную связь между русскими рукописными инициалами и изображениями на русских же серебряных браслетах киевского периода. Здесь и там — светские сюжеты и иногда одни и те же мотивы: музыкант с лирой, танцующие девицы, звери и птицы, а также и люди, оплетенные ленточным орнаментом.⁶⁵ Другие сопоставления устанавливаются между русскими инициалами и орнаментами тех серебряных чаш, о которых речь была выше и которые, как мы указывали, происходят из разных стран вокруг Византии, и большей частью из периферийных областей России. На этих чашах изображены разные сюжеты из изученного нами светского цикла — звери, чудища, охота, но также вознесение Александра Македонского, акробаты и т. п. Появляется там и мотив пирующего государя, сидящего с чашей в руках, который очень обычен в мусульманских (но не византийских) светских циклах. Этот персонаж с кубком в руке воспроизводится и в русских инициалах,⁶⁶ откуда и обнаруживается какая-то связь этих инициалов с персидской версией того дворцового цикла, из которого вышло, в основе, все русское светское искусство киевского периода. Продолжая поиски в этом же, мусульманском, направлении, можно отметить ряд интересных аналогий между мотивами русских инициалов и изображениями фигур на ювелирных произведениях XII—XIII вв. из Персии и Месопотамии. Отметим, например, персонаж, сидящий между двумя птицами или несущий птиц, идущий в сопровождении собаки и т. д.; уже на месопотамских произведениях все это подверглось сильной стилизации (костюм, головной убор) и тесно окружено орнаментальным фоном, т. е. как бы подготавливает то, что мы находим в русских рукописях. Отдельно стоящие фигуры оседланного коня или верблюда, известные по русским инициалам, тоже находят себе аналогии в этой восточной торевтике эпохи, непосредственно предшествующей лучшим из русских инициалов этого жанра.

Нужно надеяться, что со временем источники русских орнаментов будут исследованы исчерпывающим образом. Для наших целей достаточно напомнить, что и с этой стороны русское средневековое искусство имело тенденцию к умножению светских тем и что если в некоторой части эти темы здесь были связаны с научно-популярными календарями византийской традиции, то другие связи устанавливаются с темами, типичными для торевтики в ее русской, более народной ветви (серебряные браслеты) или в ее современных восточных версиях, где мы вновь наталкиваемся на знакомый нам дворцовый цикл изображений, но в особых, восточных истолкованиях.

Будущее, надеюсь, покажет, пользовались ли русские каллиграфы какими-то тетрадами моделей, уже приспособленных для украшения инициалов, или они исходили из изображений, независимых от инициалов, и сами приспособляли их к этой функции. Последнее мне кажется более вероятным, имея в виду, что русские инициалы XIV—XV вв. мало похожи на инициалы византийские или романские и готические и что уже в древнейшей русской орнаментации рукописей мы находим многочисленные примеры переноса в книжную живопись мотивов, заимствованных от ювелирного дела и других ремесел. Но каковы бы ни были его непосредственные источники, замечательно то, что сфера русского светского

⁶⁵ Несколько примеров на браслете: История русского искусства, т. I, стр. 250, 519 (тот же браслет, помеченный сначала как происходящий из Киева, а затем из Владимирского клада 1896); Б. Рыбаков. Ремесло в древней Руси, рис. 59—61.

⁶⁶ В. В. Стасов. Восточный и славянский орнамент, табл. LXII, 16.